



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССCLIX.

1905.
ІЮНЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л ь С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Высочайшія повелѣнія	57
II. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. проsv.	67
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	88
IV. Опредѣленія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	97
V. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета по начальному образованію	103
VI. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	109
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Двадцать шестое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	110
Программа книги для чтенія въ начальныхъ училищахъ	118
Н. Н. Виноградовъ. И. П. Сахаровъ и его „Русскія народныя загадки и притчи“	229
К. И. Тихомировъ. Психологическій процессъ чтенія по новѣйшимъ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ	266
Г. Тельбергъ. Нѣсколько замѣчаній о международныхъ снemaхъ въ древней Руси	232
Н. И. Павловъ-Сильванскій. Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ	339
В. И. Модестовъ. Разселеніе италійскаго племени по Италіи. III (продолженіе)	366

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

И. И. Трубицынъ. „Пересмотръ“ русскихъ былинъ о сватовствѣ	400
С. Ф. Платоновъ. <i>Пл. Гр. Васенко.</i> Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Часть первая. С.-Пб.	439
А. В. Васильевъ. <i>Б. А. Паиченко.</i> Крестьянская собственность въ Византіи. Софія 1903	444
Э. Л. Радловъ. Собраніе сочиненій <i>Владимира Сергѣевича Соловьева.</i> Томъ I—VIII. С.-Пб. 1901—1904	464
— Книжныя новости	467

О Т Д ъ Л Ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

А. И. Анастасіевъ. Обученіе въ начальныхъ школахъ Вятской губерніи	113
------------------------------------------------------------------------------	-----

См. 3-ю стр. обложки.

СИМВОЛИЗМЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ.

Въ „Древностяхъ нѣмецкаго права“, изданныхъ въ 1828 году, Яковъ Гриммъ, указавъ, что въ Индіи до настоящаго время употребляется та же самая юридическая обрядность ломанья соломы, въ знакъ заключенія договора, какая употреблялась въ германской древности и въ Римѣ, — счелъ нужнымъ оговориться, въ оправданіе своего сопоставленія, что въ такой общности формъ права индійцевъ, римлянъ и германцевъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ и въ языкѣ, и мифахъ этихъ народовъ обнаружено уже много совпадений ¹⁾.

Оговорка эта представляется очень устарѣлой въ наше время, когда сравнительная исторія права сдѣлала замѣтные успѣхи, когда вслѣдъ за возсозданіемъ арійскаго пра-языка и пра-мифа начато изученіе пра-арійскаго права. Объекты изслѣдованія новой науки сравнительнаго права, твердо кристаллизировавшіеся юридическіе институты, даютъ возможность точныхъ сравненій, и они не менѣе опредѣленны и ясны въ своей основѣ, чѣмъ корни словъ, долгое время допускавшіе самыя произвольныя толкованія. Одно изъ главныхъ общихъ положеній этой науки, родство права арійскихъ народовъ, уже прочно установлено. Первые опыты выясненія первоначальныхъ арійскихъ основъ въ древнѣйшихъ учрежденіяхъ германцевъ, римлянъ, грековъ и индійцевъ, сдѣланные въ 70-хъ годахъ Мэнномъ и Фриманомъ, дали блестящіе результаты. Въ послѣднее время Лействъ въ книгахъ *Alt-arisches jus gentium* и *Alt-arisches jus civile* (1892) сдѣлалъ попытку возстановить основныя начала общей системы пра-арійскаго права, путемъ сравненія учрежденій шести

¹⁾ Jacob Grimm, *Deutsche Rechtsalterthümer*, с. 604 (изд. 3-е, безъ перемѣнъ).

арійскихъ народовъ: индійцевъ и персовъ, грековъ и римлянъ, германцевъ и славянъ. Работа его еще не разрѣшаетъ вопроса, и во многомъ скорѣе дастъ лишь программу будущихъ изслѣдованій. Но, кажется, уже недалеко то время, когда эта программа будетъ заполнена, когда сравнительное правовѣдѣніе достигнетъ такихъ же точныхъ выводовъ, какихъ въ короткое время достигло сравнительное языковедѣніе, установитъ системы и основы развитія права не только арійской, но и другихъ расъ, и вмѣстѣ съ сравнительной экономической наукой дастъ твердыя основанія социологіи.

Русскіе историки рѣдко пользовались сравнительнымъ методомъ, и у насъ господствуетъ представленіе о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса вообще и въ частности о своеобразіи развитія русскаго права. Есть, однако, въ нашей древности одна область, въ которой русскіе порядки такъ разительно сходны съ нѣмецкими и другими, что наши историки, вопреки господствующему направленію нашей исторіографіи, не могли не остановиться на сравнительномъ ихъ изученіи. Это—область древнѣйшаго русскаго уголовного и гражданскаго права и судопроизводства. Это извѣстные, общіе многимъ народамъ, институты уголовного права: кровная месть, вира, денежные пени за тѣлесныя поврежденія; въ судопроизводствѣ—испытаніе водой и желѣзомъ или ордалия, поле—судебный поединокъ, сводъ, послухи—соприслужники (*conjugatores*); въ гражданскомъ правѣ—покупка и умыканіе женъ, право родового выкупа земельной собственности, рабство неоплатнаго должника, право наслѣдства и проч. Сравнительному изученію ихъ посвящены спеціальныя монографіи Тобина, Шпилевскаго, Ведрова, Ф. И. Леонтовича и другихъ, и соответствующія главы общихъ курсовъ по исторіи русскаго права В. И. Сергѣевича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова ¹⁾.

¹⁾ *О мести, вѣрѣ и пеняхъ*: Эверсъ, Древнее русское право, с. 659—62. Tobien, Die Blutrache nach altem russischen Rechte, verglichen mit der Blutrache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer und der Germanen. Drp. 1840. Иванъшевъ, О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, въ сравненіи съ германскою вирою. Кіевъ, 1840. Ведровъ, О денежныхъ пеняхъ по Русской правдѣ, въ сравненіи съ законами саллическихъ франковъ. М. 1877 (Чт. О. Ист. и Др. Р.). В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 1883, с. 445 и слѣд.—*О послухахъ*: Н. Лапте, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды, Сиб. 1861. Н. Л. Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, М. 1869. О. И. Леонтовичъ, Старый земскій обычай, Од. 1889 (Труды 6-го Археол. съѣзда въ Одессѣ, т. IV).—*Объ ордалияхъ*: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, изд. 3, с. 647.—*О сводѣ*: А. Н. Филипповъ, Начальныя стадіи процесса

Хотя все наше первобытное право въ общей его системѣ нѣкъмъ еще у насъ не изучалось сравнительно съ правомъ другихъ народовъ, хотя и по части сравнительнаго изученія отдѣльныхъ институтовъ—какъ показывается новая работа А. П. Филиппова—сдѣлано еще очень немного ¹⁾, но все же наши юристы-историки собрали достаточно данныхъ для признанія слѣдующихъ двухъ общихъ положеній, подтверждаемыхъ и систематикомъ арійскаго права Лейстомъ:

1) Сходство славянскаго и въ частности русскаго права съ германскимъ, латинскимъ и другими объясняется не заимствованіемъ, а общимъ арійскимъ происхожденіемъ, и сходное развитіе ихъ—дѣйствіемъ одинаковыхъ первобытныхъ условій жизни;

2) Славянское право, изъ всѣхъ арійскихъ правъ, наиболѣе родственно германскому ²⁾.

Эти положенія подтверждаются и при изученіи символизма или формализма древняго русскаго права, который составляетъ предметъ этой статьи.

Въ германскомъ правѣ символическія обрядности имѣли большое значеніе; онѣ внимательно изучались и нѣкоторые изъ нихъ пользуются широкой извѣстностью, какъ напримѣръ, обрядность инвеституры—символическая передача вѣтки, посоха или знамени при

вѣдикаціи движимостей по *leges barbarorum* (я по Русской правдѣ); въ Сборникѣ статей, посвящ. М. Владимірскому-Буданову, Кіевъ, 1904.—*О правѣ убѣжища*: В. И. Сергіевичъ, Русск. Юрид. Древн., т. I, с. 104, (2-е изд., с. 114).—*О поручительствѣ*: Ф. Устряловъ, Изслѣдов. псковской судной грамоты, Сиб. 1855, с. 28—34 (сходство поручительства съ *Gesammtbürgschaft* Устряловъ объясняетъ заимствованіемъ, германскимъ элементомъ).—*Покупка и возмещеніе жемъ*: В. Н. Татищевъ, Исторія Россійская, кн. I, ч. II, М. 1769, с. 586—590, (сравненіе съ еврейскимъ, римскимъ, греческимъ, башкирскимъ народамъ). С. М. Шпилевскій, Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ, Каз. 1869, с. 21—45.—*Право родового выкупа*: К. Неволнинъ, Истр. русск. гражд. законовъ, т. III, § 415. Н. Н. Дебольскій, Гражд. дѣеспособность по русскому праву, Сиб. 1903, с. 284—289.—*Рабство неоплатнаго должника*: В. W. Leist, *Alt-arisches jus civile*, т. II, с. 304, 309, 364 и др. (по Русской правдѣ).—Я даю здѣсь только нѣкоторыя главнѣйшія указанія.

¹⁾ Статья въ Сборникѣ, посвященномъ М. Ф. Владимірскому-Буданову, см. примѣчаніе выше.

²⁾ В. W. Leist, *Alt-arisches jus civile*, т. II, с. 232: „Insbesondere steht das Alt-russische dem Germanischen nach“.—О. И. Леонтовичъ придаетъ главное значеніе ступени развитія, утверждая, что „тождественныя явленія въ юридической жизни всякихъ первичныхъ обществъ“—„коронятся въ одномъ источникѣ—одинаковой природѣ и свойствахъ народовъ, стоящихъ на первыхъ ступеняхъ развитія“: Ист. русск. права, Од. 1869, с. 83.

пожалованіи лена. Въ нашемъ древнемъ правѣ символизмъ также былъ весьма развитъ, но изъ древнихъ обрядностей болѣе или менѣе извѣстны развѣ только тѣ, которыя сохранились въ обычномъ правѣ, какъ, наиримѣръ, рукобитье, и историки нашего права мало занимались изученіемъ его древнихъ символовъ.

Въ 20-хъ годахъ напечатаны были двѣ небольшія статьи о нѣкоторыхъ обрядностяхъ и главнымъ образомъ объ обходѣ межи съ дерномъ на головѣ, статьи митрополита Евгенія „О разныхъ родахъ присягъ у великоруссовъ“ и М. Н. Макарова, „Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русскія“ ¹⁾. Затѣмъ въ 1839 г. профессоръ Калмыковъ произнесъ на актѣ Петербургскаго университета рѣчь „О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности“. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ о нѣкоторыхъ символахъ, въ связи ихъ съ мнѣніями вѣрованіями, писалъ Буслаевъ, въ различныхъ статьяхъ (см. ниже), и Афанасьевъ въ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу“ (1865), въ 80-хъ годахъ—М. Кулишеръ въ „Очеркахъ сравнительной этнографіи и культуры“ (1887). Описаніе различныхъ обрядностей, сохранившихся въ обычномъ правѣ, дѣлалось неоднократно этнографами-юристами; изъ историковъ же права сообщаютъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія очень немногіе, какъ Шпилевскій и Ѡ. И. Леонтовичъ ²⁾.

Въ общихъ курсахъ по исторіи права профессоровъ Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова о символахъ встрѣчаемъ лишь бѣглыя, случайныя упоминанія. Авторитетный же авторъ „Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ“ категорически отрицалъ, чтобы русскому праву присуща была германская символика: „Ничѣмъ нельзя доказать, писалъ Неволинъ, чтобы для удостовѣренія рѣшительно изъявленной воли у насъ употреблялись какія нибудь символическія дѣйствія, или были произносимы торжественно какія нибудь слова; историческіе памятники не представляютъ слѣдовъ ни того, ни другого“ ³⁾.

Въ настоящей статьѣ, показывающей ошибочность категоричнаго

¹⁾ Труды и записки общества ист. и древн. російскихъ, ч. III, кн. I, М. 1836, и ч. IV, кн. I, 1828.

²⁾ Въ „Исторіи русскаго права“ Ѡ. И. Леонтовичъ писалъ, что „символизмъ господствовалъ въ старое время въ правѣ славянъ, какъ и другихъ народовъ“, и кратко описалъ символы покоры, рукобитья, передачи дерна, постриговъ (с. 89). Въ „Старомъ земскомъ обычай“ онъ описалъ лютки и рукобитье (с. 61).

³⁾ К. Неволинъ, Ист. русс. гражд. закон., 1851, т. II, § 232, с. 44.

заявленія Неволіна, я своєю вмѣстѣ разрозненныя наблюденія прежнихъ изслѣдователей и дополняю ихъ нѣкоторыми новыми цитатами изъ историческихъ памятниковъ. Что касается современнаго обычнаго права, въ которомъ живетъ такъ много старины, то я ограничиваюсь лишь нѣкоторыми трудами изъ его обширнѣйшей литературы, не имѣя въ виду дать исчерпывающаго изслѣдованія о нашихъ юридическихъ символахъ.

1. *Дернѣ*. Обзорѣніе символовъ начинаю съ дерна, который употреблялся у насъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ многочисленныя извѣстія, въ различныхъ обрядностяхъ, и при особой присягѣ въ межевыхъ тяжбахъ, и въ собственно юридической обрядности, при передачѣ права собственности.

О присягѣ на межѣ, или объ обходѣ межи съ дерномъ на головѣ имѣется рядъ ясныхъ извѣстій съ XI до XIX вѣка. Прежде всего приведу извѣстія позднѣйшія, какъ наилучше разъясняющія смыслъ этой присяги.

Въ статьѣ, напечатанной въ 1828 г., М. Н. Макаровъ разсказалъ, что въ Рязанской губерніи, близъ города Сапожка онъ „видѣлъ простолоудина, который, оспаривая принадлежность луга, съ отчаяніемъ вырѣзалъ дернину, положилъ ее себѣ на голову и оградясь крестомъ клялся предъ спорящими и свидѣтелями, что если покосъ не принадлежитъ ему, тогда сама мать родная земля прикроетъ его на вѣки“ ¹⁾. Обходъ межи съ дерномъ на головѣ не такъ давно наблюдался въ Олонецкой губерніи, въ Каргопольскомъ уѣздѣ. По сообщенію 1878 г., здѣсь при спорахъ о границѣ, одинъ изъ спорящихъ говоритъ: „пусть разсудитъ насъ мать сыра земля“, затѣмъ вырываетъ кусокъ дерна съ землею, кладетъ его на голову и идетъ по межѣ ²⁾.

Объ употребленіи этого обряда въ петровское время разсказываетъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ Посошковъ: „иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону и на голову свою положи дернину, отводятъ землю“. Вполнѣ вѣря въ страшную силу этой присяги, Посошковъ замѣчаетъ: „много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая, и умирали на межѣ“ ³⁾.

Нѣсколько извѣстій о томъ же обрядѣ находимъ въ актахъ

¹⁾ „Древнія и новыя божбы и пр.“: Труды общ. ист. и древн. росс., ч. IV, т. I, с. 197.

²⁾ Г. Соколовъ, Судья-земля: Сборн. нар. юридич. обычаевъ, подъ ред. П. Матвѣева, т. I, 1878, с. 18 (Зап. Имп. русск. геогр. общ. по отд. этнографіи т. VIII).

³⁾ Сочиненія И. Посошкова, 1842, с. 193.

XVII вѣка. Такъ напримѣръ, въ межевой записи 1667 г. читаемъ: Пронка Завьяловъ „положа дернъ на голову и взявъ образъ Пречистой Богородицы, и при стороннихъ людяхъ розшелъ землю и сѣнные покосы и всякія угоды“ ¹⁾. Въ судномъ дѣлѣ 1630 г. и истецъ и отвѣтчикъ (представители монастырей Троицкаго Сергіева и Троицкаго же Данилова) соглашаются рѣшить споръ о межѣ „иконнымъ хоженіемъ съ дерномъ“, и выбираютъ крестьянъ, которымъ „вѣрятъ“: землю в всякія угоды „отводить съ образомъ и съ дерномъ“. Судьи приговорили: „по которому мѣсту, тотъ крестьянинъ (Данилова монастыря) пойдеть съ образомъ и съ дерномъ, велѣли столбы ставить, и грани тесать, и у столбовъ ямы копать, и въ нихъ признаки класть, и велѣли тѣ межи въ межевыя книги написать впередъ для спору“ ²⁾.

Любопытное указаніе на исконную древность обряда присяги съ дерномъ на головѣ находимъ въ относящемся къ XI вѣку переводѣ словъ Григорія Богослова; славянскій переводчикъ сдѣлалъ въ свой переводъ вставку о славянскихъ языческихъ суевѣріяхъ, въ которой между прочимъ говоритъ: „а инъ градъ чтетъ, овъ же, дрънь въскроущъ (выкросенный) на главѣ покладая, присягу творить“ ³⁾.

Искоренія языческія суевѣрія, церковь рано начала возставать противъ присяги съ дерномъ, требуя замѣны ея присягой съ иконою, и правительство, послушное церкви, приказываетъ въ XVI вѣкѣ въ спорѣ о землѣ „межу разойти съ образомъ“ ⁴⁾. Уложение 1648 г. точно также предписываетъ: „на спорныхъ земляхъ истцу съ отвѣтчикомъ учинити вѣра, образное хоженіе“ и „спорную землю съ образомъ отвести“ ⁵⁾. Но древній обрядъ оказался весьма живучимъ и

¹⁾ Акты относ. до юрид. быта, т. II, с. 453, № 153, II.—Въ Разъѣзжей грамотѣ до 1462 г.: Микуда Парфеньевъ поимался за деревню, землю и новины, „л дернъ рѣзалъ, л за людъ далъ, и воименовалъ на тѣ земли знагорн“: Д. Мейчикъ, Грамоты XIV, XV, вв., М. 1883, с. 109.

²⁾ Акты гражд. расправы Одетова-Чеховскаго, т. II, № 100, стр. 323, 325.

³⁾ А. Будловичъ, XIII словъ Григорія Богослова, въ древне-славянскомъ переводѣ, С.-Пб. 1875, с. 243 (изд. Отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ).

⁴⁾ Русская историч. библ., т. XIV, с. 821: судное дѣло 1598 г.

⁵⁾ Уложение, гл. X, ст. 236 и 237. — Присяга съ дерномъ устраивалась въ тѣхъ случаяхъ, когда одною изъ сторонъ являлись митрополиты или монастырскія власти: „И судья (митрополитъ наместникъ) вопросилъ Оофана и его товарищовъ: Вехотито-ли по Пречистой земли отвести? И Оофанъ тако рекъ: Мы господние образъ Пречистой возьмемъ и землю отведемъ“ (1518, А. Юрид. № 16, с. 30).— „Игумень тако рекъ: Крестъ, господние, дѣлюю, и на поле съ ними битися гѣзу и съ иконою иду“ (1530, А. юрид. № 18, с. 37).—„Судья присудилъ старожиламъ

церкви удалось достигнуть лишь компромисса между языческой и христианской присягой: беря въ руки образъ, отводчики по старинѣ вляли на голову дорнѣ. Этотъ обычай уцѣлѣлъ, какъ указано выше, не только до петровскаго времени, но и до XIX столѣтія.

Каково происхожденіе этой присяги? Заимствована она откуда нибудь, представляет ли собою специально славянской или русской обычай, или же древнее арийское наслѣдіе славянъ? Первая мысль у насъ всегда мысль о заимствованіи. Митрополитъ Евгеній, нашедшій въ писцовой книгѣ Вологодской губерніи упоминаніе о томъ, какъ монастырскій служка обходилъ спорную пожню, „положа собѣ земли на голову“,—высказалъ предположеніе, что „сей родъ народной присяги, вѣроятно, заимствованъ отъ какого нибудь сѣвернаго идолопоклонническаго народа, и можетъ быть отъ зырянъ, населяющихъ большую часть Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губерніи, или отъ предковъ ихъ пермяковъ“¹⁾. Идолопоклонническіе зыряне и пермяки, однако, тутъ не при чемъ, такъ какъ присяга съ дерномъ отнюдь не составляетъ особенности Сольвычегодскаго уѣзда, а распространена была и въ южной Россіи, и при томъ еще въ XI вѣкѣ, до сближенія русскихъ съ сѣверными инородцами.

Одинаковый съ русскимъ обрядъ присяги подъ дерномъ, и при томъ также какъ у насъ, въ спорѣ о межѣ, встрѣчается въ одномъ изъ венгерскихъ актовъ 1360 г.: „*Thomas et Michael Chapy, razuvpshisъ и распоясавшисъ, и положивъ на голову улыбу земли, по существующему обычаю клятеся землею, поклялись, что та самая земля, которую они обошли и отвели вышеуказанными межами, отъ первыхъ до послѣднихъ, есть земля владѣнія ихъ „Полянка“ и къ ней принадлежить“*“²⁾. Такой же обрядъ употреблялся въ Силезіи, гдѣ онъ даже узаконенъ былъ Оппельнскимъ земскимъ уставомъ 1562 г.: „*крестьяне должны раздѣться до рубахи, стать на колѣни въ ямѣ, вы-*

Оераповтова монастыря: „идти съ иконою по межѣ и спорную землю отвести“ (1534, № 20, с. 46).—Въ тяжбѣ съ патриаршими крестьянами: „въ спорной землѣ помирлися полюбовно, безъ образоваго хоженія“ (1600, А. юрид. быта, II, № 155, IV).—Любопытно, что старцы Волоколамскаго монастыря въ концѣ XVI вѣка протестовали и противъ образоваго хоженія: „чего, государь, не ведется, что ипчесокому чину земли велѣти отводити съ образомъ“ (А. юрид. № 32, с. 83).

¹⁾ Митр. Евгеній, О разныхъ родахъ присягъ у великоруссовъ, 1826 (смотри прим. выше).

²⁾ „*Thomas et Michael Chapy discalceatis pedibus, resolutis cingulis, glebam terrae super capita sua ponendo, ut moris est super terram jurare, jurassent in eo ut ipsa terra“*... Jacob Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, 3 изд., с. 120.

рытой на одинъ локоть въ глубину, *держатъ на голову дернь*, не имѣтъ при себѣ ни ножа, ни оружія, и такимъ образомъ произносить присягу¹⁾.

Оба эти извѣстія, и венгерское, и силезское нельзя принимать за доказательство распространенности обряда и у венгровъ, и у ильцевъ, такъ какъ оба они относятся, повидимому, къ славянскому населенію. Силезія была издревле славянской землей. Венгерскій же актъ, о межахъ „Полянки“ (Polianka) и о тяжбѣ между „Михаиломъ и Оомой Халами“, также, повидимому, касается славянъ (гдѣ-нибудь на границахъ Чехіи или Галиціи). Приведенныя извѣстія цѣнны лишь, какъ свидѣтельства распространенности одинаковаго съ русскимъ обряда у другихъ славянскихъ племенъ.

Гриммъ не нашелъ обряда присяги подь дерномъ у германскихъ племенъ, за исключеніемъ скандинавовъ. Въ скандинавскихъ сагахъ часто упоминается о *хожденіи подь дерномъ* и *вырѣзываніи дерна*. Торжественная присяга подь дерномъ употреблялась при побратимствѣ. Вырѣзывали длинную полосу дерна, втыкали въ землю копье и клали на него полосу дерна такъ, чтобы оба конца ея свѣшивались по сторонамъ до земли. Побратимы проходили подь дерномъ, кололи себѣ подошву или руку, чтобы кровь смѣшалась съ землею, потомъ падали на колѣни и клялись во взаимной вѣрности²⁾.—Существованіе обряда присяги *подь дерномъ только* у скандинавскихъ племенъ можетъ вызвать предположеніе, что этотъ обрядъ былъ заимствованъ русскими у варяговъ. Но этому предположенію противорѣчатъ 1) тотъ фактъ, что обрядъ этотъ былъ свойственъ и другимъ славянскимъ племенамъ, 2) существенное несходство обрядовъ, скандинавскаго и русскаго: у скандинавовъ проходили подь дерниной, возложенной на копье, у насъ же клялись и обходили между съ дерномъ на головѣ; при заимствованіи обрядъ не могъ бы такъ существенно измѣниться.

У германцевъ дернь также часто употреблялся, въ качествѣ символа, но съ другимъ значеніемъ и въ другой обрядности. Передачей куска дерна закрѣпляли переходъ участка земли во владѣніе другого лица. Дернь, вырѣзанный изъ земли имѣнья, употреблялся въ каче-

¹⁾ *Афанасьевъ*, Поэтич. возвр. слав., т. I, с. 143.

²⁾ J. Grimm, D. Rechtsalt., с. 118, 119. Дернь назывался *torga* и *jardar-men* (Erd-Streife); обрядъ назывался: *gānga undir jardar-men* (проходить подь дерномъ).— Прохожденіе подь дерномъ употреблялось также для испытанія виновнаго (какъ бы божій судъ): виновный не могъ пройти благополучно подь полосой дерна, она должна была его уличить, оборвавшись и задѣвъ его (тоже, с. 110).

ствѣ его символа, при передачѣ его въ собственность или въ залогъ. Кусокъ дерна также приносили въ судъ при спорахъ о землѣ, и судья передавалъ этотъ кусокъ тому лицу, которому онъ присуждалъ спорную землю; въ такомъ же значеніи вмѣстѣ съ дерномъ пользовались вѣткою дерева.—Въ нѣмецкихъ актахъ сохранилось много упоминаній о передачѣ земли „по обычаю саксонскаго закона съ дерномъ земли и зеленою вѣткою дерева“, о „закрѣпленіи сдѣлки съ вѣткою и дерномъ по народному обычаю и обряду“¹⁾. Употреблялись и особые выраженія: „передать посредствомъ травы или земля“ (*tradere per herbam vel terram*) и „передать съ дерномъ“ (*cum cespite firmiter tradidit*).

Въ нашихъ купчихъ постоянно встрѣчается выраженіе, точно соответствующее только что приведенному: *cum cespite tradere*, а именно *продать одерень*, и, повидимому, указывающее на продажу съ обрядностью передачи дерна.

Въ древнѣйшихъ купчихъ XIV, XV вѣковъ формула пишется такъ: „а купи собѣ одерень и своимъ дѣтемъ“; „а купиша святому Михаилу одерень“; „а купилъ я собѣ и своимъ дѣтямъ одерень“²⁾.

Такъ какъ обрядъ передачи дерна, прочно укрѣплялъ право собственности новаго владѣльца, то выраженіе „продать одерень“, имѣвшее первоначально реальное значеніе (*tradere cum cespite*), скоро получило отвлеченный смыслъ прочной ненарушимой сдѣлки. Въ позднѣйшихъ купчихъ XVI вѣка соответственно этому измѣняется и самое слово: въ нихъ писали уже *продать съ дернь*, въ смыслѣ: продать вѣчки, впрокъ, безъ выкупа³⁾.

Какая-то особая обрядность съ дерномъ употреблялась у насъ также при продажѣ людей въ холопство. Присяга подъ дерномъ могла

¹⁾ Secundum morem Saxonicae legis *cum terrae cespite et viridi ramo arboris*.—*Cum ramo et cespite jure rituque populari idem sancitum est rationabiliterque firmatum*.—J. Grimm, 112, 113.

²⁾ А. Шахматовъ, Исслѣдов. о двинскихъ грамотахъ XV вѣка, С.-Пб. 1903, №№ 109, 40, 57. Тоже А. Юрид. № 71. Въ большей части грамотъ „одерень“, но иногда одеръ (XVIII), одирь (XIX), одернь (XXVIII), рѣдко: „А купишъ собѣ въ одерень и своимъ дѣтемъ“ (XXVIII, XXX). Искрѣдка эта формула замѣняется другой: „а купилъ собѣ и своимъ дѣтямъ *сеѣжи*“. „А купилъ вѣчки святому Михаилу“ (XXXVII). Встрѣчается одинъ, два раза: „а купи собѣ одерень и своимъ дѣтямъ въ вѣчки“ (XXI), одерень и вѣчки (X).

³⁾ „Продавъ въ дернь безъ выкупа и въ вѣчки“: А. Юрид. № 87, (1571).—„Ино са наша купчая въ купчую и отводная въ дернь безъ выкупа“ (№ 86, 1568).—„А продали есмь и отступились въ дернь, безъ выкупа“ (№ 95, 1596).

употребляться не только въ земельныхъ тяжбахъ (съ которыми она связывалась естественнѣ всего), но и въ дѣлахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ землѣ; такъ въ Скандинавіи присягали подь дерномъ, какъ символомъ земли, побратимы, присягали на судѣ и должники по требованію кредитора. Подобно этому у насъ, повидимому, присягали подь дерномъ люди, продававшіеся въ холопство.

Въ Кормчей книгѣ есть слѣдующая статья, по всей видимости, русскаго происхожденія: „Аще ся дасть человекъ или женщина у тошна (у точна?) ¹⁾ времени, *дернъ ему ненадобъ*. А пойдетъ прочь, да дасть 3 гривны, а служилъ даромъ“ ²⁾.

Общій смыслъ этой статьи ясенъ: она говоритъ о человекѣ, отдающемся въ услуженіе (на точно опредѣленное время?), и опредѣляетъ, что такому человекѣ *дернъ ненадобъ*; если же онъ пойдетъ прочь (до назначеннаго срока?), то уплачиваетъ 3 гривны, а служилъ даромъ. „Дернъ ему ненадобъ“—значить, что онъ сохраняетъ свободу. Повидимому, подь этимъ выраженіемъ разумѣлась какая-то обрядность продажи въ холопство.

О томъ же дернѣ, о той же обрядности говоритъ договорная грамота 1368 г.: „а кто ти ся будетъ *продать* пословицею новоторжанъ *одернъ*, или будетъ серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по цѣлованью, а *грамоты дерноватыя* подрати“ ³⁾. Отсюда же и холопы назывались *одерноватыми* и *дерноватыми* ⁴⁾.

Отрицающая существованіе символизма въ нашемъ правѣ, Неволинъ замѣчаетъ: „исключеніе составляла бы передача земли съ употребленіемъ дерна, если бы можно было доказать, что она дѣйствительно у

¹⁾ На точное, опредѣленное время?

²⁾ Статьи этой, также какъ трехъ статей, примыкающихъ къ ней, нѣтъ въ древнѣйшемъ харатейномъ спискѣ заимствованнаго изъ византійскихъ узаконеній, такъ называемаго, „Закона суднаго людемъ царя Константина“. О примыкающихъ къ ней статьяхъ Калачовъ говоритъ, что онѣ по оглавленію, содержанію и изложенію вполне сходны съ статьями Русской Правды. То же слѣдуетъ сказать о всѣхъ четырехъ статьяхъ этого русскаго прибавленія къ византійскимъ узаконеніямъ. См. статьи „о дѣтахъ, о человекѣ и женѣ, о союзѣ, о безчестіи“ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. II, М. 1843, стр. 200 (прибавленію изъ Софійскаго Времника, ч. I, стр. 148), у Н. Калачова, Русская Правда, стр. 247, 248, въ Новгород. Лѣтоп. по сплод. списку, изд. 1888, стр. 487 (здѣсь у „тошна“, а не „тошна“).

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 28, стр. 48. — „Или грамоты дерноватыи на кого написалъ, а тѣ грамоты подереть“ 1317, тоже, № 13).

⁴⁾ „Челядь дерноватая“. А. Юр. № 409, стр. 430. — „Одерноватый холопъ“. Новгородская судн. грамота (1471 г.) ст. 22.

нась существовала“. Въ выраженіяхъ „продать одернь, одерень“ Неволитъ не видитъ связи съ дерномъ, основываясь на „совершенно удовлетворительномъ“ до объясненіи Шафарика, который сравнивалъ слова одерень, одьрень, дерноватый съ финскими *degen* (*firmus*), *mandegen* (*terra firma*). „По этому сравненію, замѣчаетъ Неволитъ, выраженія: продать въ одерень, продать въ прокъ, въ вѣкъ буквально соотвѣтствовали бы другъ другу“¹⁾.

Но и это сравненіе, и объясненіе Шафарика совершенно неосновательны. Въ финскомъ языкѣ слова *degen* нѣтъ. Въ книгѣ Миккола, „Объ отношеніяхъ между западно-финскими и славянскими языками“ я прочелъ рѣшительное заявленіе, что сближеніе Шафарика „одерень“ съ финскимъ *degen* (*firmus*) покоится на невѣрныхъ источникахъ. При словѣ *degen* Миккола ставитъ *sic!* и объясняетъ въ примѣчаніи: „легко догадаться, какъ Шафарикъ нашелъ свое удивительное *degen* (*firmus*). Повидимому, онъ встрѣтилъ гдѣ нибудь родительный падежъ *mandegen* (отъ *mandere*, *mantere*, *terra firma*), съ переводомъ *terra firma* и понялъ его какъ *man-terra* и *degen-firmus*“²⁾.

2. *Солома*. Отъ символа *дерна* перейду къ символу *соломы*, слѣдуя предметному порядку обзоренія символовъ, принятому Гриммомъ и наиболѣе удобному въ виду того, что къ одному и тому же предмету относится болѣею частью нѣсколько различныхъ обрядностей.

У насъ есть хорошо извѣстная пословица *сила солому ломитъ*, образная основа которой совершенно неясна. С. Максимовъ длиннымъ разсужденіемъ тщетно старался показать, что въ этой пословицѣ нѣтъ „нелѣпаго или темнаго смысла“. Ее пытались объяснить, какъ „намежъ на жатву, работу тяжкую“, требующую большой затраты силъ. Объясняли и такъ, что „сила“ противопоставлена „соломѣ“ потому, что солома гнется и сломать ее нелегко³⁾. Но эти объясненія слишкомъ искусственны для простыхъ и безъискусственныхъ обыкновенно образцовъ пословицъ.

Единственно подходящее къ этой пословицѣ, какъ и многимъ дру-

¹⁾ Ист. росс. гражд. зак., т. II, § 232, стр. 44, § 260, стр. 116—117.

²⁾ Joos. J. Mikkola, *Berührungen swischen den Westfinnischen und slavischen Sprachen*, Helsingfors, 1893, стр. 24.

³⁾ В. Даль, *Пословицы русскаго народа*, изд. 2, т. II, стр. 436.—М. Михельсонъ, *Ходячія и мѣткія слова*, изд. 2, стр. 396.—С. Максимовъ, *Крылатія слова*, 1890, стр. 479.

гимъ, объясненіе—историческое; въ ней, повидимому, сохранился намекъ на существовавшую у насъ въ древности и хорошо известную на западѣ *обрядность ломанья соломы* ¹⁾.

Въ французской и нѣмецкой средневѣковой письменности сохранилось много извѣстій объ этомъ символѣ. Въ латинскихъ актахъ солома обозначалась словомъ *festuca*, откуда французское *festu* и *fêtu*, а также словомъ *calamus* (*calmus*), родственнымъ по корню нѣмецкому *halm* и нашей *соломѣ*. Отъ слова *festuca* обрядность называлась *exfestucatio* (и *exfestucare*). Французы говорили *ломать* солому, *rompre le fêtu*; въ нѣмецкихъ извѣстіяхъ говорится о *вырываньи* и *бросаньи* соломы (*halmwurf*). Повидимому, въ этихъ выраженіяхъ разумѣется одна и та же обрядность, причемъ лишь въ нихъ обозначаются различные ея моменты: прежде, чѣмъ кинуть солому, надо было ее вырвать или сломать (*rompre*).

Обрядность эта употреблялась, какъ символъ нарушенія договора, отказа отъ обязательства, въ особенности при разрывѣ вассальнаго договора, и въ этомъ случаѣ солома вырывалась и бросалась (*arripitis festucis exfestucaverant illorum hominum fidem*). Соответственно этому наша пословица „сила ломить солому“ должна была имѣть первоначально смыслъ: сильный нарушаетъ договоръ, сила торжествуетъ надъ правомъ. Можетъ быть, такой же намекъ на древность сохранился и въ другой пословицѣ, также неполнѣ ясной: „взять соломку да и пойти въ сторонку“.

Въ знакъ добровольнаго отказа отъ своихъ правъ, въ особенности права собственности на землю, въ Германіи солома не бросалась, а передавалась собственникомъ тому лицу, которому онъ уступалъ свою землю (*hat den halmen gereicht*) ²⁾.—О. И. Буслаевъ, утверждая, что у насъ при договорахъ и условіяхъ и при передачѣ правъ употреблялся символъ соломы также, какъ въ Германіи, ссылается на слѣдующее мѣсто Ипатьевской лѣтописи о князѣ Владимірѣ Васильковичѣ: „вземъ соломы въ руку отъ постеля своея рече: хотя быхъ ти, рци, братъ мой тотъ вехоть соломы далъ, того не давай по моему животѣ никому же“ (1228 г.). Съ этимъ символомъ, какъ предпола-

¹⁾ Такъ давно уже объяснял се Н. Сноггревъ, Русск. народныя пословицы и притчи, М. 1848, стр. 368, прим. 26. Онъ въ примѣчаніи привелъ выписку изъ *Michalet, Origines du droit français*, гдѣ объясняется, что *rompre la paille* у древнихъ франковъ значило дѣлать обѣщаніе, условіе.

²⁾ J. Grimm, стр. 121, 127.

гаетъ Буслаевъ, „вѣроятно, стоитъ въ связи старинный обычай стлать постелю новобрачнымъ на ржаныхъ снопахъ“¹⁾).

3. *Рука*. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ нашихъ символическихъ обрядностей принадлежитъ „рукобитье“, существующее доселѣ въ обычномъ правѣ. Закрывающіе сдѣлку освящаютъ и закрѣпляютъ ее, „ударяя по рукамъ“, то есть съ силой ударяя и крѣпко пожимая правыя руки. Обрядность совершается большею частью при свидѣтелѣхъ — разъемщикѣхъ, который разнимаетъ сжатыя руки, ударяя по нимъ сверху. Выраженіе „ударить по рукамъ“ отъ этой обрядности получило смыслъ: заключить сдѣлку²⁾).

Въ нашей древности рукобитье въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписывалось самимъ закономъ. Такъ новгородская судная грамота 1471 г., устанавливая отсрочку судебного разбирательства тяжбы о землѣ, по просьбѣ отвѣтника, для истребованія имъ документовъ и вызова совладѣльцевъ, предписываетъ, чтобы отвѣтникъ объявилъ подъ присягой имя совладѣльца (шабра) и ударилъ по рукамъ съ истцомъ: „да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ“³⁾. Другая статья той же грамоты предписываетъ отвѣтнику удостовѣрять свое показаніе крестнымъ цѣлованіемъ и „давая руку“: „а не скажетъ кто того челоувѣка (розыскиваемого бѣглаго) у себя по крестному цѣлованью, да и руку дастъ, что тамъ ему не быть“ (ст. 37).

Совершенно такая же обрядность рукобитья существовала въ древности и существуетъ до сихъ поръ въ Германіи. И тамъ, какъ у насъ, „при торжественныхъ договорахъ и общаніяхъ бьютъ по рукамъ (hand in hand geschlagen)“. „Рукобитье (*handschlag*)—говоритъ Гриммъ—служило общимъ закрѣпленіемъ всякихъ договоровъ и обѣтовъ, для которыхъ обычай не предписывалъ другого болѣе торжественнаго символа“⁴⁾. Во Франціи также рукобитье (*la mainée ou poignée de*

¹⁾ О. Н. Буслаевъ, Дополн. и прибав. ко II тому Сказ. русск. народа, Арх. Истор. Юрид. Свѣд., кн. I, изд. 3, 1896, стр. 6—7.—Ипатьевская лѣтопись, С.-Пб. 1871, стр. 600 (6796 г.).

²⁾ Говорятъ также „дать руки“. Къ обрядности относятся пословицы: „заложить (или выкупить) правую руку“; „съ виноватаго полтина, съ разъемщика—рубль“ (Даль). См. Я. Кузнецовъ, Обязат. право въ русскихъ пословицахъ: Журн. Минист. Юстиціи, 1903, февр., стр. 251, 252.— Говорятъ также „сплетаться руками“, отсюда сплетка, договоръ: О. Леонтовичъ, Древній земскій обычай, стр. 61.

³⁾ Новгор. судн. грам., ст. 24. А. Арх. Эксп., т. I, № 92. Хрестом. В.-Вуданова, вып. I.

⁴⁾ J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 138 и 605.—Объ этой обрядности говорятъ выраженія *hand in hand geloben*, *handgelübde* (ручной обѣтъ), *mani firmare*, *stipulari manu*.

main) часто употреблялось при заключеніи разнообразныхъ договоровъ ¹⁾).

Та же обрядность была принята у грековъ; у римлянъ она не нашла мѣста въ правѣ, но существовала также, какъ народный обычай ²⁾); наконецъ, „пожатые правой руки какъ вѣрнѣйшій залогъ“ употреблялись и у древнихъ персовъ ³⁾, какъ и у индусовъ. Эта обрядность, такимъ образомъ, является пра-арійскимъ обычаемъ ⁴⁾).

Съ той же обрядностью рукобитья или подачи руки совершался у насъ въ древности договоръ поручительства. Ясный слѣдъ этого сохранился въ выраженіяхъ статей псковской судной грамоты, касающихся поручительства: „и тотъ истецъ, по комъ рука дана, ... молвить такъ: азъ, брате, тебѣ заплатилъ то серебро за *тою рукою*“; „а истцу знатю *поручника* въ своемъ серебрѣ, *кто по комъ руку далъ*“ (ст. 32) ⁵⁾).

Неволинь, во II томѣ своего труда рѣшительно отрицавшій какія бы то ни было символическія дѣйствія въ нашемъ правѣ, дойдя въ III томѣ до поручительства, не могъ не признать существованія обряда подачи руки. „Непрерывное повтореніе“—говоритъ онъ,—при поручительствѣ, того обряда, который оно скрѣпляло и при помощи котораго само совершалось, кажется, дало бытіе самому его названію, заимствованному по всей вѣроятности отъ того, что поручитель, послѣ того какъ со стороны главнаго обязывавшагося лица дана была рука, въ удостовѣреніе того, что обязательство будетъ свято исполнено, давалъ ее и съ своей стороны, можетъ быть, клалъ ее именно на руку перваго и тѣмъ запечатлѣвалъ его обязательство“ ⁶⁾).

Кромѣ рукобитья, у насъ употреблялась въ качествѣ формальнаго акта передачи вещи въ собственность, *передача ея изъ руки въ руки*.

¹⁾ P. Viollet, Précis de l'histoire du droit français 1886, стр. 506. Ferir la paumée, palmoier le marché (отъ palma-manus): Grimm, стр. 952.

²⁾ P. Viollet, idem, стр. 506, прим. 1. J. Grimm, стр. 142 (βεβίαια σφίσιν ἐδόσαν).

³⁾ Dextra data certissima apud Persas arrha est... Nam post datam dextram apud eos nec fallere nec diffidere fas est: B. Leist, Alt-arisches jus civile, 1892, стр. 57.

⁴⁾ B. Leist, l. c. стр. 447—448.—Лейстъ видитъ арійскую первооснову обычая въ рукобитѣ при заключеніи брака: „Die eheliche Handgreifung, diese arische Urinstitution“... т. I, стр. 450.

⁵⁾ Объ обычаяхъ „подачи руки“ при поручительствѣ, „принадлежавшемъ къ самой глубокой древности“, говорилъ Ѡ. Устряловъ, Исслѣдов. Псковской судной грамоты С.-Пб. 1855, стр. 28, 29.

⁶⁾ Ист. росс. гражд. зак., т. III, § 392, стр. 25.

Гриммъ не говоритъ особо объ этомъ обрядѣ и только случайно упоминаетъ о передачѣ *de manu in manum* (стр. 179).

4. *Полá*. При рукобитьѣ и при передачѣ вещи изъ рукъ въ руки употребляется въ качествѣ символа также пола кафтана. Символь „руки“ соединяются съ символомъ „полы“ въ одной обрядности. Выраженіе „передать изъ рукъ въ руки“ и „передать изъ полы въ полу“ относятся къ одному и тому же формальному акту передачи вещи въ собственность.

При *рукобитить* стороны обыкновенно обертываютъ руки въ полы кафтановъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ выраженій: „*бери полу, бей рука объ руку*“; „махнули пола объ полу, ударили рука объ руку“, „ударить объ полы руками, да и Богъ съ вами“¹⁾.

При передачѣ вещи изъ *рукъ въ руки* также ближайшимъ образомъ передаютъ ее *изъ полы въ полу*. Такъ, при продажѣ коня собственникъ передаетъ поводъ его рукою, обернутой въ полу, а покупатель равнымъ образомъ принимаетъ поводъ не въ голую руку, а въ полу. Та же обрядность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется при передачѣ невесты: отецъ рукою, обернутою въ полу, передаетъ руку невесты жениху, который также обертываетъ въ полу свою руку²⁾.

У германцевъ пола (*pilum vestimenti*, стар. *Gêre*, *Rockschoss*) употреблялась во многихъ обрядностяхъ. 1) Отворачиванье и отбрасыванье края кафтана—говоритъ Гриммъ—служило символомъ оставленія имущества. 2) Нѣмецкое право предписывало во многихъ случаяхъ брать за полу, задерживать отвѣтчика, беря его за полу. 3) Нѣкоторые клятвы давались, положи руку на полу (*in vestimento iurare*)³⁾.

5. *Перчатка*. Съ руки символическое значеніе было перенесено и на покрывавшую ее рукавицу или перчатку. Въ Германіи перчатка (*chirotheca*, *handschuh*, др.-нѣм. *wanto*, франц. *gant*) употреблялась во

¹⁾ „Рукобитье—битье по рукамъ отцовъ жениха и невесты, обычно *покрывъ руки полами кафтановъ*, въ знакъ конечнаго согласія“. Даль, Словарь, слово *рукобитье*, см. также подъ словомъ *полá*. Тоже, П. С. Ефименко, Сбор. нар. юрид. обычаевъ Арханг. губ., 1869, стр. 36. На какое-то суевѣрное значеніе указываютъ слѣдующія пословицы: *полы да черти одной шерсти; мужикъ черта въ полы принесъ*.

²⁾ Свадебныя обряды крестьянъ Царевкококшайскаго уѣзда: Нам. книга Казанской губ. 1868 (69). См. С. Шилевскій. Семейныя власти у др. славянъ и германцевъ, К. 1869, стр. 31. (Обыкновенно при передачѣ невесты рука обертывается не въ полу, а въ платокъ или бѣлую ширинку).

³⁾ J. Grimm, с. 158—160. *Per pilum vestimenti sui a se ejectum*. — *Nam der Schultheiss hern S. mit dem gêren (Rockschoss)*.

многихъ обрядностяхъ: Широко извѣстенъ обрядъ бросанья перчатки, гь знакъ вызова на бой. Перчатку также бросали вверхъ на воздухъ, въ знакъ отказа отъ права собственности на землю; ее снимали съ руки и передавали въ знакъ передачи права собственности (но не леннаго владѣнія, какъ полагають нѣкоторые) ¹⁾.

Въ одномъ изъ русскихъ житій мнѣ встрѣтилось описаніе чуда, свидѣтельствующее, что и у насъ бросанью перчатки или рукавицы приписывалось символическое значеніе. Это—повѣсть о Михаилѣ Клопскомъ, блаженномъ старцѣ Клопскаго монастыря близъ Новгорода, умершемъ около 1456 г., отличающагося богатствомъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ русской жизни того времени ²⁾. Въ этой повѣсти находимъ слѣдующее чудо о двухъ вельможахъ: „Человѣконенавистникъ дьяволъ... сотвори вражду между двѣма вельможами о нѣкоторыхъ нивахъ: одинъ изъ нихъ именемъ Елевтеріи, а второй Иванъ именемъ“. Они пришли въ обитель къ святому и „начаша оба повѣдати святому кѣждо свою обиду“. Святой уразумѣлъ духомъ лукавство одного изъ нихъ Елевтеріи и въ темномъ намекѣ предупредилъ его, что если онъ не откажется отъ своихъ притязаній, то его постигнетъ кара. Вельможи затѣмъ „пріидоша въ весь нѣкую, именемъ Куречка, согласія ради, и пріидоша къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ той веси. И начатъ Елевтеріи глаголати: брате Иванъ, сія земля отчина моя естъ. И удари покровницею рукою въ землю и дастъ руку Ивану. И егда преклонся пріяти ручницу, и внезапно весь ослабѣ по пророчеству святого, яко же очесе возвести ему, ниже усты двинути, и въ томъ тяжцѣмъ недузѣмъ преставися“ ³⁾. Сказаніе объ этомъ чудѣ, весьма возможно, имѣло въ основѣ своей бывшій дѣйствительно случай. Къ глубокой вѣрѣ въ силу древняго символа присоединилась вѣра въ силу заклія святого старца, и при этихъ условіяхъ, лжесвидѣтельствовавшего Елевтеріи легко могъ поразить нервный ударъ.

Подобный же, но болѣе замысловатый разговоръ о карѣ, чудесно

¹⁾ G. Waitz, D. Rechtsgeschichte, т. VI, стр. 73. J. Grimm, с. 152—154 (handschuh).

²⁾ Опѣнку повѣсти; см. В. Ключевскій, Древне-русскія житія святыхъ, стр. 209—212, 215. () ней же см. П. Васонко, Книга стонопная, 1904, стр. 114 и слѣд.

³⁾ Нам. стар. русской литературы, вып. IV, стр. 42.—О символическомъ значеніи бросанья перчатки свидѣствуетъ также пословица: „Знахарь перекинулъ рукавицу поперегъ свадебнаго поѣзда“ (испортилъ свадьбу): Даль, Словарь, подъ словомъ рука.

поразившей человѣка, ложно свидѣтельствовавшего съ обрядностью перчатки,—находимъ въ нѣмецкомъ житіи, которое по неизданной рукописи цитируетъ Лампрехтъ. Въ житіи рассказывается, какъ отводчикъ, неправильно отводи мозгу, перчаткой (*chirothosa*, которую поселане называютъ *wantun*), надѣтой на руку (*manu superducta*), указывалъ между, какъ хотѣлъ. Другой добросовѣстный отводчикъ (*bonus ductor atque justus*), замѣтивъ его ложь, внезапно сорвалъ перчатку съ его руки, и въ этой перчаткѣ оказался палецъ лжесвидѣтеля ¹⁾).

6. *Обувь*. Въ качествѣ символа употреблялась и у насъ и въ Германіи также обувь. У нѣмцевъ могущественные короли посылали слабымъ свои башмаки, съ тѣмъ, чтобы они носили ихъ въ знакъ своей подчиненности. Женихъ при обрученіи приносилъ невѣстѣ башмаки и она, какъ только надѣвала ихъ на свою ногу, считалась подчиненною его власти ²⁾).

У насъ символъ обуви употреблялся въ томъ же значеніи подчиненія, но въ другой обрядности. Гриммъ замѣчаетъ, что германскій обычай дѣлаетъ удареніе на *обуваніи* невѣсты, русской—на *разуваніи* жениха.

По начальной лѣтописи Рюгьда, не желавшая выходить замужъ за Владиміра, какъ извѣстно, сказала своему отцу: „*не хочу розути робичича*“.. Въ знакъ покорности и до сихъ поръ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ,—говоритъ П. Ефименко—молодая *разуваеъ мужа*, т. е. снимаетъ съ него сапоги, когда онъ расположится на брачномъ ложѣ. Женихъ иногда въ правый сапогъ кладетъ немного денегъ, а въ лѣвый не такъ давно клалась плетка ³⁾).

Объ этомъ же обычаѣ рассказываетъ В. Н. Татищевъ, обстоятельно сравнившій, съ точными ссылками на источники, въ своей Исторіи Россійской русскіе брачные обряды, покупку, кражу женъ и проч. съ извѣстіями о подобныхъ еврейскихъ, римскихъ и греческихъ обрядахъ, и съ собственными наблюденіями у калмыковъ. „Видимъ же и то,—писалъ Татищевъ—что невѣста въ знакъ ея покорности, повинна была въ первый разъ разуть (какъ часть II, стр. 145 о Владимірѣ показано), притомъ женихъ клалъ въ сапоги, въ правый деньги, въ лѣвый плеть. И когда невѣста перво за лѣвую ногу примется, то

¹⁾ K. Lamprocht, Deutsche Wirtschaftsgeschichte т. I, стр. 295, прим. 2.

²⁾ При усминовеніи и при узаконеніи сапогъ употреблялся въ другомъ значеніи: сначала одѣвалъ его отецъ, затѣмъ пріемный или узаконенный сынъ, затѣмъ наследники и друзья. Отсюда „mit einem in dem Schuh steigen“: J. Grimm. 155.

³⁾ П. С. Ефименко, Сборн. народн. юридич. обычаевъ Арханг. губ.: Труды Арханг. губ. статист. ком., вып. III, Арханг. 1869, стр. 43.

женихъ, вынявъ плеть, ударить невѣсту, а естли за правую, то отдастъ ей положенныя деньги. Сей обычай между подлостію доднесь хранится“ ¹⁾).

7. *Ключъ*. У германцевъ, также какъ у галловъ, и у римлянъ, ключи были символомъ женскаго домохозяйства, власти жены надъ домашнимъ хозяйствомъ. Въ Германіи,—говорить Гриммъ, невѣста при торжественномъ благословеніи брачнаго союза являлась украшенная ключами, которые висѣли у нея на поясѣ; при разводѣ жена должна была возвратити ключи мужу. Также у римлянъ новобрачной ключи давались, а у разведенной отнимались ²⁾).

Какъ давно указалъ Шпилевскій, и у славянъ, также какъ у германцевъ, ключи служили символомъ домохозяйства жены. Въ Костромской губерніи женихъ въ дѣвичникъ подаетъ невѣстѣ ключи на тарелкѣ или на подносѣ. У уральскихъ казаковъ женихъ приноситъ невѣстѣ въ подарокъ, вмѣстѣ съ платьемъ, башмаками, наперсткомъ и пр., также ключи ³⁾).

Ключъ, какъ символъ домашняго хозяйства, употреблялся у насъ въ древности, въ знакъ принятія лицомъ на себя обязанностей ключника-приказчика. При этомъ кто принималъ, привязывалъ себѣ ключъ, безъ особаго соглашенія съ хозяиномъ, тотъ становился холопомъ, какъ опредѣлено Русскою Правдою: „а се третье холопство: тивунство безъ ряду или *приважетъ ключъ къ себѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ*“ ⁴⁾. Впослѣдствіи говорили „даться на ключъ“ ⁵⁾).

Гриммъ, знавшій о русскомъ холопствѣ по ключю изъ книги Эверса, сопоставляетъ значеніе этого символа съ нѣмецкимъ: „по древне-рус-

¹⁾ В. Татищевъ, *Ист. Росс.*, 1769, кн. I, ч. I, стр. 591. (О чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ).—То же сообщаетъ въ XVII вѣкѣ Колинсъ: „женихъ кладетъ плетку въ одинъ сапогъ, а драгоценный камень или деньги въ другой и велитъ снимать ихъ, если сперва попадется ей въ руки сапогъ съ драгоценнымъ камнемъ, то онъ считаетъ ее счастливою и даритъ ей этотъ камень; если же она сперва сниметъ сапогъ съ плеткою, то считается несчастливою и получаетъ ударъ, который ей сулитъ будущую судьбу“ См. С. Шпилевскій, *Семейныя власти*, 1869, стр. 50—51.

²⁾ J. Grimm, стр. 176—177.

³⁾ Терещенко, *Бытъ русск. народа* II, 175, 617. См. С. Шпилевскій, *Сем. власти*, стр. 97.

⁴⁾ Ст. 142 по изданію В. П. Сергѣевича, *Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ*, С.-Пб. 1904. Ст. 104 по изданію П. Калачова.

⁵⁾ „А дается... въ тѣхъ деньгахъ Александру на ключъ въ его село въ Демидово, а по ключю... дается и въ холопѣ“: А. Арх. Эксп. I, № 237.

скому праву, когда кто либо привяжетъ себѣ ключъ, тотъ становится холопомъ (knecht), вступаетъ въ службу и во власть господина, дверь котораго онъ закрываетъ; подобно этому могли смотрѣть и на жену, какъ на носительницу ключей мужа“.

8. *Вино (литки, litkouf)*. Въ обычномъ правѣ доселѣ живетъ символическій обычай пить вино, въ освященіе совершенной сдѣлки. Въ Германіи онъ былъ широко распространенъ въ средніе вѣка и сохраняется до сихъ поръ. Возліаніе называлось *litkouf* и *winkouf* (впослѣдствіи *leitkauf* и *weinkauf*). Актъ 1245 г. говоритъ о торжественномъ питьѣ *vinum testimoniale* въ утверждение (*ad confirmationem*) договора ¹⁾.

Такое же точно обыкновеніе „спрыскивать“ сдѣлки существовало и существуетъ у насъ. О немъ говорятъ пословицы: „гдѣ кабалено, тамъ и вино“, „пропито — продано“, „пропитая дочка не своя, а чужая“ ²⁾.

Называется этотъ обычай: спрыски, могоарычи, заливки и въ особенностях *литки* ³⁾. Слово это одинаковаго происхожденія съ нѣмецкимъ терминомъ *litkouf*, и указываетъ на глубокую древность символа ⁴⁾. Польскій терминъ *litkup*, *lidkup*, широко распространенный, еще ближе къ старо-нѣмецкому ⁵⁾.

Вогулы въ XV вѣкѣ пили въ закрѣпленіе договора не вино, а воду, съ золотомъ, какъ видно изъ любопытнаго замѣчанія лѣтописи, относящагося къ 1485 году, о князьяхъ водскихъ (вогульскихъ): „а крѣпость ихъ: съ золотомъ воду пили, великому князю правились во всемъ“ ⁶⁾.

¹⁾ J. Grimm, с. 191—192. По шлезвигскому праву: *si biberint in signem emptio- nis, nihil dato ad manus, reddat potum commercii violator*.

²⁾ Даль, Словарь.—Я. Кузнецовъ, Обязат. право въ русскихъ пословицахъ: Журн. мин. юст., 1903, № 2, с. 258. I. Иллюстровъ, Сборникъ рос. пословицъ и погово- рокъ, Кіевъ, 1904, с. 135.

³⁾ „Литки, *zavdavki*,—замѣчаетъ О. И. Леоптовичъ—указываютъ на употребленіе въ старое время при „рядахъ“ религиозно-жертвенныхъ возліаній“: Древній земскій обычай, с. 61. У малороссовъ называется зливокъ, завдавокъ, магарычъ. Въ Архан-гельской губерніи говорятъ „литки“: Даль, Словарь и П. С. Ефименко, Сborn. нар. юр. обыч. Арх. губ., с. 100—101.

⁴⁾ *Литки*, ж. мн. сѣв. вост. (Даль) *litkouf*, *lõthkõr* (Гриммъ).

⁵⁾ Karłowicz, *Słownik*, Krakow, 1903. За это указаніе приношу благодарность С. Л. Пташницкому.—О литкахъ у кореловъ и лопарей, см. А. И. Ефименко, въ Сborn. нар. юрид. обычаевъ, т. I, 1878, с. 35 и 122.

⁶⁾ Карамзинъ, т. VI, примѣч. 461: изъ синод. лѣтописца.

9. *Оружіе*. О клятвѣ оружіемъ сохранилось нѣсколько извѣстій въ памятникахъ кievскаго времени. Первый договоръ Руси съ греками 911 года былъ утвержденъ клятвою оружіемъ: „*кленшеся оружьемъ своимъ*“. Изъ второго договора 945 года и изъ лѣтописи видно, что приписавшіе клятву снимали съ себя и клали на землю, или на холмъ предъ кумиромъ, свои щиты, обнаженные мечи, обручи и все остальное оружіе: „Мы же елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильѣ въ сборней церкви и подлежащимъ честнымъ крестомъ... А некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечь своя наги, обручъ свой и прочая оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатъи сей“ (Договоръ 945 г.) ¹⁾.—„Заутра призва Игорь слы и *приде на холмъ, идъ стояше Перунъ, покладаша оружье, и щиты, и золото* и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси“. При этомъ произносились заклинанія: „да не имуть— въ случаѣ нарушенія присяги — помощи отъ Перуна, *да не ущитятся щиты своими, и да пощечени будутъ мечи своими, и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего*, и да будутъ раби въ весь вѣкъ, въ будущій“ ²⁾.

Клятва оружіемъ была скоро вытѣснена клятвою „честнымъ крестомъ“, которымъ уже въ 945 году клялись руссы, принявшіе христіанство. Но она надолго сохранилась въ народѣ. Профессоръ Рейдъ былъ очень удивленъ, когда при разборательствѣ одного дѣла между двумя русскими крестьянами, одинъ изъ нихъ предложилъ присягнуть на евангеліи или на оружіи. Клятва оружіемъ существовала не только у русскихъ, но и у другихъ славянъ. У болгаръ доселѣ клятва утверждается цѣлованіемъ сѣкиры (топора) ³⁾.

Германцы также клялись оружіемъ, но совершенно иначе, чѣмъ русскіе. Они произносили клятву, держа обнаженный мечъ или кладя руку на рукоятку меча, вонзеннаго въ землю, тогда какъ руссы клялись, полагая на землю мечи, щиты и обручи ⁴⁾.

¹⁾ Ср. „А Ольга водила и мужій его на роту: по русскому закону кляшася оружьемъ своимъ и Перуномъ и Волосомъ“.

²⁾ Такъ въ началѣ договора, а въ концѣ короче: „аще ли кто... преступитъ се... будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети и да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна“.

³⁾ См. пословицы сербовъ, чеховъ и словаковъ: А. Афанасьевъ, *Поэтич. возрѣнія славянъ на природу*, М. 1865, т. I, с. 273.

⁴⁾ J. Grimm, с. 165. — У германцевъ мечъ употреблялся также, какъ символъ власти судьи; мечъ посылали при вызовѣ на бой; въ знакъ подчиненія послы шли,

10. *Копье*. Символъ копья, употреблявшійся въ знакъ объявленія войны, принадлежитъ, какъ замѣчаетъ Гриммъ, къ числу древнѣйшихъ и весьма распространенныхъ символовъ. Римляне, по разсказу Ливія, посылали противнику, въ знакъ объявленія войны, копье, омоченное въ крови и обожженное; сохранились извѣстія о существованіи такого же обряда у норвежцевъ и шотландцевъ ¹⁾).

У насъ бросаніе копья и ломаніе копья предводителемъ было знакомъ къ началу битвы. Буслаевъ цитируетъ два свидѣтельства объ этой обрядности 1) изъ лѣтописи: „Андрей же Юрьевичъ, возьмъ копіе и ѣха напередъ, преже всѣхъ зломи копіе свое“, и 2) изъ Слова о полку Игоревѣ, гдѣ Игорь говоритъ: „хощу бо копіе преломити конецъ поля половецкаго“ ²⁾).

11. *Волосы и борода*. Символическое значеніе, придававшееся у насъ усамъ и бородѣ, какъ символамъ мужества, ясно видно изъ Русской Правды, которая за поврежденіе усовъ или бороды назначаетъ вчетверо большую пеню, чѣмъ за пораненіе обнаженнымъ мечемъ, или за поврежденіе пальца: „Аще ли персть утнетъ который любо: 3 гривны за обиду. А во оусѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ“ ³⁾).

Символическое значеніе придавалось у насъ также первому стрижоню волосъ у мальчика трехъ, четырехъ лѣтъ, при чемъ его торжественно сажали на коня, какъ извѣстно изъ *постриговъ*, неоднократно упоминаемыхъ лѣтописью. „Лѣтописецъ суздальскій — пишетъ Карамзинъ — упоминая о рожденіи каждаго (изъ сыновей великаго князя Всеволода III) сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торжественно постригали и сажали на коней въ присутствіи епископа, бояръ, гражданъ; что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошныя, угощалъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а бояръ и ткашями и мѣхами. Сей

снявъ меч; когда человекъ спалъ на одномъ ложѣ съ женщиной, которой онъ не хотѣлъ касаться, то онъ клалъ мечъ между ею и собою.

¹⁾ У нѣмцевъ копье, также какъ посохъ и знамя, употреблялось кромѣ того королямъ, какъ символъ передачи владѣній: J. Grimm, с. 163, 165.

²⁾ О. Буслаевъ, Русскія пословицы и поговорки, с. 13: Архивъ Истор. и юридич. свѣд., Н. Калачова, кн. II, полов. II, М. 1854.

³⁾ Списокъ академической, ст. 6 и 7. — „А хто порветъ бороδοу, а выметъ знаменіе, а будоуть людіе, то 12 гривенъ продажи“. Списокъ карамзинскій, ст. 78. — Особо высокая пеня за „вырваніе бороды и усовъ, какъ символовъ мужества особливо чтимыхъ многими древними народами“ — отмѣчена проф. Владимірскимъ-Будановымъ, Обзоръ, изд. 3, с. 302. Его же Христоматія, I вып., с. 25, примѣч. 12.

достопамятный обрядъ, такъ называемыхъ постригъ, или перваго обрѣзанія волосъ у дѣтей мужескаго полу кажется остаткомъ язычества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ славянскихъ, напримѣръ, у ляховъ, какъ древнѣйшій историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Пиастомъ, остригли волосы его сыну младенцу и дали имя Семовита⁴. Въ примѣчаніяхъ Карамзинъ говоритъ, что по словамъ Татищева, „въ его время нѣкоторые знатные люди держались сего древняго обыкновенія и что младенцы тогда переходили изъ рукъ женскихъ въ мужскія“¹).

У нѣмцевъ волосамъ и бородѣ также придавалось символическое значеніе, какъ знаку свободнаго совершеннолѣтняго мужа. Отрѣзываніе волосъ головы или бороды (у взрослыхъ) служило у готовъ, франковъ и лангобардовъ символомъ усыновленія²). Повидимому, это стриженіе волосъ при усыновленіи находится въ тѣсной связи съ нашими постригами: стриженіемъ волосъ родному сыну.

12. *Челобитье*. Ясный слѣдъ символической обрядности сохранился въ извѣстныхъ выраженіяхъ „челобитье“ и „бить челомъ“. Въ позднѣйшее время въ XVII вѣкѣ, какъ и теперь, они употреблялись въ иносказательномъ смыслѣ униженной просьбы. Но въ древнѣйшее время этими выраженіями обозначался извѣстный обрядъ, совершавшійся при вступленіи въ службу клязю, какъ о томъ свидѣтельствуетъ стереотипное выраженіе удѣльнаго времени: „бить челомъ въ службу“. Въ концѣ удѣльнаго періода совершеніе этого обряда считается недостаточнымъ для закрѣпленія служебной связи, служебнаго договора боярина съ княземъ и въ обрядъ присоединяется еще присяга—кредстоцѣлованье. Но обрядъ „бить челомъ“, совершавшійся при „приказѣ въ службу“, до конца XV вѣка сохраняетъ свою силу, какъ это видно изъ разсказа лѣтописи, о паденіи Великаго Новгорода въ 1478 г.

Іоаннъ III въ январѣ 1478 г. находится въ военномъ станѣ подѣ

¹) Какъ указываетъ Карамзинъ, въ Требинкѣ есть молитва на первое стриженіе волосъ у младенца: Ист. Гос. Росс., изд. Эйфоринга, т. III, с. 83, примѣч. 143, 144, 145, с. 62. --- По наблюденіямъ Соловьева, въ XI—XIII вв. обрядъ постриговъ совершался надъ дѣтьми двухъ, трехъ, четырехъ лѣтъ. Обрядъ сохранился до XV вѣка: Исторія, книга I, с. 676, 1168.

²) J. Grimm, с. 146.— Передача остриженныхъ волосъ служила символомъ вступленія въ рабство. Тамъ же, с. 147.

Новгородомъ. 13-го января послѣ долгихъ переговоровъ былъ окончательно заключенъ договоръ о подчиненіи Новгорода на условіяхъ, предписанныхъ великимъ княземъ, владыка подписалъ грамоту и приложилъ печать, и съ пяти концовъ печати приложили. 15-го января великій князь отправляетъ въ Новгородъ пять своихъ бояръ, „привести весь Великій Новгородъ къ цѣлованію по той грамотѣ“, уже подписанной, и въ этотъ день „на владычнѣ дворѣ бояре великаго князя начаша приводити къ крестному цѣлованью бояръ новгородскихъ, и житыхъ, и купцовъ и прочихъ“; на пять концовъ посланы были дѣти боярскіе и дѣяки для привода къ присягѣ; „всѣ цѣловали—замѣчаютъ лѣтописецъ—люди и жены боярскіе, и вдовы, и дѣти боярскіе“.

Казалось бы, все кончено. Договоръ подписанъ, скрѣпленъ печатями, всѣ новгородцы, отъ бояръ до вдовъ и боярскихъ людей, приведены къ присягѣ. Но тутъ всплываетъ старина. Не было сдѣлано самаго важнаго — по старымъ понятіямъ — бояре еще не были челомъ въ службу. И вотъ, какъ видно изъ лѣтописи, 18-го января, черезъ три дня послѣ крестоцѣлованья всѣ бояре и дѣти боярскіе и житыи люди (но не купцы, которые упоминались раньше), отправляются на дворъ къ великому князю и тамъ приказываются лично ему въ службу. „Генваря въ 18 день, въ недѣлю — читаемъ въ лѣтописи—били челомъ великому князю въ службу бояре новгородскіе всѣ, и дѣти боярскіе, и жити, да, приказався, вышли отъ него“. Тутъ лѣтопись даетъ еще одну любопытную подробность, которая еще сильнѣе отгѣняетъ значеніе челобитья—приказа. Какъ только бывшіе челомъ вышли отъ великаго князя, онъ „выслалъ за ними Ивана Товаркова“, и „велѣлъ имъ князь великій говорить: „на которой грамотѣ великимъ княземъ крестъ цѣловали есте, по той грамотѣ государемъ своимъ и правили бы еще по тому крестному цѣлованью“... „И тѣ бояре всѣ на томъ молвили, на чемъ къ нимъ, великимъ государемъ крестъ цѣловали“. — Какъ это понять? Зачѣмъ понадобилось великому князю посылать въ догонку къ только что приказавшимся въ службу, и раньше цѣловавшимъ крестъ, боярамъ своего дворянина Товаркова и напоминать имъ о присягѣ и крестоцѣлованьѣ? Думаю, что это можно объяснить только такимъ образомъ, что въ то время перехода отъ старыхъ свободныхъ удѣльныхъ порядковъ къ новымъ государственнымъ, столкнулись съ одной стороны, отживавшій, но все еще сильный по старинѣ обрядъ челобитья въ вольную боярскую службу и съ другой—новая подданническая присяга; и что

поэтому, принявъ челобитие о службѣ, великій князь, спохватившись, поспѣшилъ напомнить боярамъ о присягѣ, напомнить, что онъ требуетъ отъ нихъ не вольной боярской службы, закрѣпившейся челобитьемъ-приказомъ, а подданства, уже закрѣпленнаго крестоцѣлованьемъ ¹⁾.

Обрядъ челобитья въ службу вполне аналогиченъ вассальной коммѣндаціи. Оба обряда одинаково представляютъ собою формальные акты договоровъ о службѣ, акты подчиненія слуги-вассала господину ²⁾. Самая обрядность челобитья не отличалась какой либо особой униженностью отъ коммѣндаціи, потому что эта послѣдняя обыкновенно связывалась съ колѣнопреклоненіемъ. Въ феодальное время „форма оммажа—говорить Люшеръ—осталась приблизительно тою же формой старой коммѣндаціи. Вассаль является къ сеньеру, который ожидаетъ его, стоя или сидя. Онъ становится передъ нимъ на колѣни, кладетъ свои руки, сложивъ ихъ, въ его руки и объявляетъ себя челоуѣкомъ его, за тѣмъ то феоудъ. Сеньеръ даетъ ему поцѣлуй мира въ уста и его поднимаетъ“. Обрядности оммажа совершались различно въ различныхъ мѣстностяхъ и поэтому историки права описываютъ ихъ неодинаково въ деталяхъ. Глассонъ различаетъ двѣ формы оммажа простую и сложную (въ знакъ болѣе тѣснаго подчиненія — *homage lige*). Простой оммажъ состоялъ изъ охватыванія рукъ и поцѣлуя. Болѣе сложная обрядность *homage lige* совершалась такъ: „вассаль провозносилъ формулу оммажа съ непокрытой головой, распоясанный и безоружный, стоя на колѣняхъ передъ сеньеромъ и клалъ свои сложенные руки въ руки сеньера“ ³⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Русскихъ лѣтописей, т. XII, с. 185—187 (Никонская). Тоже, т. VI, 219, т. VIII, с. 198.—Костомаровъ нѣсколько неточно, неудачно осмысливая этотъ фактъ, передаетъ лѣтопись: „вслѣдъ за этимъ (за крестоцѣлованіемъ) многие (?) бояре и дѣти боярскіе сами (?) били челоуѣ въ службу государю“, но при этомъ онъ правильно отмѣчаетъ: „и провозносили особую службную присягу“. Сѣверно-русскія народоправства, т. I, с. 230.

²⁾ О существенномъ сходствѣ вассальной и боярской службы см. мою статью „Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CCCXXXVI, 1901 г., июнь.

³⁾ A. Luchaire, *Manuel des institutions françaises*, P. 1892, p. 185.—E. Glançon. *Histoire du droit et des institutions de la France*, 1891, т. IV, p. 301.—По шифроту *Auctor vetus* колѣнопреклоненіе не обязательно (*Si autem dominus sedeat, homo genua flectat ante illum pro praebendo hominim*). Но иногда коммѣндація совершалась въ еще болѣе униженной обрядности, чѣмъ вышесказанная. Вассаль, стоя на колѣняхъ, клалъ руки подъ ноги господина: *genua flectunt, pedibusque manus supponunt*: G. Waitz, *D. Verfassungsgeschichte*, т. VI, с. 66—67.—J. Grimm, с. 139.

Въ чемъ собственно состоялъ нашъ обрядъ челобитья, мы не знаемъ; повидимому, только это не былъ простой земный поклонъ. Ипатьевская лѣтопись на одной страницѣ употребляетъ въ разномъ смыслѣ выраженіе „ударить челомъ“ и „поклониться до земли“. Можетъ быть, къ той же обрядности относятся выраженія лѣтописи, также какъ выраженіе ударить челомъ, указывающія на подчиненіе господину, а именно „пріять подъ рудѣ“, „быть подъ рукою“, а также „подручные“ князья ¹⁾. Если эти выраженія относятся къ челобитью, то и самая обрядность челобитья должна быть весьма близка къ комментаціи.

13. *Пополнокъ*. Символическое значеніе, повидимому, имѣлъ и постоянно упоминаемый въ древнѣйшихъ купчихъ, обычай при куплѣ-продажѣ давать въ придачу къ условленной платѣ скотъ или хлѣбъ; это называлось *пополнокъ* (рѣже приполонокъ), *дать пополонка* (придачу). „И да Константине и его братья на той земли 3 рубли, а свинью пополонка“. „Дали два рубли, да овцу пополонка“. Иногда пополонокъ представлялъ самъ собою значительную цѣнность въ сравненіи съ платой; и такая цѣнная придача можетъ дать поводъ видѣть въ сдѣлкѣ продажи замаскированную мѣну. Можетъ быть, такъ оно иногда и было въ дѣйствительности, вслѣдствіе недостатка денежныхъ знаковъ. Но большей частью пополонокъ представлялъ собою незначительную цѣнность, въ сравненіи съ цѣной продажи и, несомнѣнно, назначался въ придачу къ цѣнѣ только потому, что того требовалъ обычай ²⁾. Онъ встрѣчается почти во всѣхъ древнихъ купчихъ до конца XVI вѣка, за самыми незначительными исключеніями, и стоимость его не зависитъ отъ цѣны сдѣлки. Къ платѣ на небольшую сумму (2,—3,—4 рубля) прибавлялась куря или овца, на большую сумму—конь или волъ. Куря или овца давались въ пополонокъ безразлично и на 2, 3, 4 рубля ³⁾, конь или волъ прибавлялись къ цѣнѣ въ 15, 100 и 300 рублей ⁴⁾.

¹⁾ Ипатьевская лѣтопись с. 600.

²⁾ Если пополонокъ замѣнялся платой, то это особо оговаривалось: Дали „пополонка за телицу полъ третьяцать бѣлъ“ (№ 71, XIX); дали „полчетверта сорока бѣлки, а тутъ имъ и пополонокъ“ (№ 71, V).

³⁾ Акты Юридич. № 71, 1—XXXVII Новгородскія купчіи XIV—XV вв. Изъ этихъ 32 купчихъ нѣтъ пополонка только въ трехъ (№ 71, XXIII—XXXII).

⁴⁾ Тоже №№ 75—84 (до 1567 г.), дали „15 рублей да конь пополонка“ (№ 76), „100 р. да конь пополонка“ (№ 78), „300 рублей денегъ, да конь рыжь пополонка“ (№ 82), „70 рублей, да конь гнѣдъ пополонка“ (№ 84).

Одинъ изъ нашихъ историковъ 50-хъ годовъ въ специальной статьѣ о купчихъ грамотахъ, обратившій вниманіе на обыкновеніе давать пополонокъ, замѣчаетъ: „должны сознаться, что старанія отыскать въ немъ юридическій характеръ остались безуспѣшными“¹⁾. Мнѣ кажется, для объясненія его надо припомнить, что сдѣлка купли-продажи возникла изъ мѣны, что въ древнѣйшее время, до появленія денежныхъ знаковъ „всякая купля была мѣной“ (alleg Kauf war Tausch). По всей вѣроятности, пополонокъ при куплѣ былъ пережиткомъ древнѣйшей мѣны. По старымъ кунчимъ можно замѣтить, что передача пополонка считалась необходимой для болѣе твердаго закрѣпленія сдѣлки, въ особенности при продажѣ земли въ полную собственность; продажа земли въ полную собственность возникла, какъ извѣстно, позже всего, и долго боролась съ исконной неотчуждаемостью земельной собственности. Одна изъ купчихъ связываетъ дачу пополонка съ продажей одернъ. О цѣнѣ продажи и о пополонкѣ въ ней говорится раздѣльно: „придали Шиловы дѣти два рубля къ старымъ кунамъ отца своего..... А купили одернъ, а дали оцу пополонка“²⁾.

Обыкновенно въ придачу давали скоть (овца, конь, волъ, телѣца), въ древнѣйшее время замѣнявшій деньги. Но часто давалась въ пополонокъ куря и пузъ или три пуза жита. Скоть, повидимому, считался самымъ нормальнымъ пополонкомъ, и въ одной купчей, по которой въ придачу давалась куница съ шерстью (вѣроятно, шкурка), особо оговорено: „а куница съ шерстью пополонка за оцу“ (XXVII).

На западѣ пополонокъ, въ видѣ постоянной необходимой придачи къ денежной платѣ, неизвѣстенъ. Хотя въ нѣкоторыхъ купчихъ также встрѣчаются указанія на подарки, дававшіяся покупщикомъ продавцу въ придачу къ цѣнѣ. Чаще всего подарки давались родственникамъ продавца, чтобы сдѣлать ихъ участниками сдѣлки и тѣмъ лишить ихъ права родственнаго выкупа проданнаго имущества. Сыновьямъ и женамъ продавцовъ покупавшіе землю дарили ножи, ботинки и проч., но часто также платили деньги, 5—6 су³⁾.

¹⁾ К. Книдиковъ, Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Юридическихъ: Юридич. Сборникъ Д. Мейера.

²⁾ А. Юрид. № 71, XXXVI.—Въ концѣ XVI вѣка пополонокъ выходитъ изъ употребленія; такъ, въ серіи купчихъ, напечатанныхъ въ А. Юрид., онъ встрѣчается почти постоянно до 1567 г. (№№ 71, 72—84), а затѣмъ исчезаетъ (пѣтъ въ купчихъ 1586—1631 г.г. №№ 85—89).

³⁾ M. Guérard, Prolégomènes: Cartulaire de Saint Père de Chartres. Collection des cartulaires de France, t. I, 1840, cc. 222, 223, 228.

Въ заключеніе этого неполнаго обзора нашихъ символовъ, пробѣлы котораго должны быть восполнены дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ предмета ¹⁾, мнѣ кажется можно сказать съ нѣкоторой увѣренностью:

1) что нашему праву символика была несомнѣнно свойственна, также какъ праву германскому,—вопреки мнѣнію Певоліина,

2) что наши символы обнаруживаютъ то же близкое родство съ германскими, какъ и все наше древнѣйшее право, возникшее на общей арійской основѣ,

3) что символы имѣли въ нашемъ древнемъ правѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ о томъ можно судить по немногимъ сохранившимся извѣстіямъ, ибо, изучая темную древность, мы — по выраженію Булаева—, схватываемъ лишь немногіе, долетѣвшіе до насъ изъ старины, звуки“.

И. Павловъ-Сильванскій.

¹⁾ У балтійскихъ славянъ прочность мирнаго договора закрѣплялась символическимъ бросаніемъ камня въ воду: А. Котляревскій, Древности права балтійскихъ славянъ, ч. I, 1824, с. 162. Не сохранился ли слѣдъ такой же русской обрядности въ пословицѣ: „бросить дѣло съ камнемъ въ воду“.

Къ символикѣ права М. Кулишеръ относитъ также и не символическій, а такъ сказать мнемоническій обычай стѣчь дѣтей на межахъ, чтобы они ихъ хорошенько запомнили. Объ этомъ обычаѣ записано много наблюденій въ особенности на Дону и въ Малороссіи, гдѣ онъ называется „памятковый прочуханъ“. По Рипуарской правдѣ дѣтей на межахъ били по щекамъ и драли за уши (*tractio aurium*). Подробное сопоставленіе русскихъ и германскихъ извѣстій объ этомъ см. М. Кулишеръ, Очерки сравнит. этнографіи и культуры, 1887, с. 138—142.